

УДК 821.161.1-31(Шукшин В. М.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-109-120. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА «ДО ТРЕТЬИХ ПЕТУХОВ» В. М. ШУКШИНА ПОД РАКУРСОМ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Коренькова Т. В.

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4829-4947>
SPIN-код: 4964-8742

Шао Сыцзя

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4453-7355>

А н н о т а ц и я . Статья посвящена структуре интертекстуальности в сатирической повести-сказке «До третьих петухов» В. М. Шукшина. В этой экстравагантной пародии (по определению Nicole Christian) широко использованы не типичные для писателя-реалиста приемы, характерные для постмодернистской поэтики. Авторы рассматривают поэтические функции образов русского фольклора и классической литературы в своего рода «литературной антисказке» (Иван-дурак, Змей Горыныч, Баба-яга, Илья Муромец, Несмеяна, черти, Бедная Лиза, канцелярская душа и другие), выявляют завуалированные аллюзии, цитаты, цитоны, метатекстуальные связи, проясняющие замысел Шукшина и определяющие его место в контексте современной ему русской антибюрократической литературы. Отмечается, что интертекстуальность фольклорных образов в этом произведении во многом опосредуется отсылками к школьному фольклору, СТЭМ, советской сатире конца 1950-х – начала 1970-х годов (в первую очередь – «Василию Теркину на том свете» А. Т. Твардовского и песням-сказкам В. С. Высоцкого, а также эстраде и юмористическим программам телерадиовещания СССР).

Сложный историко-культурный фон позднесоветской антисказки и экспериментальные художественные приемы стали причиной того, что «До третьих петухов» до сих остается малоизвестной читающей публике за рубежом (например, в Китае). Учет этих поэтических особенностей переводчиками позволит донести идеи и образы Шукшина (瓦西里·舒克申) до китайских ценителей творчества сибирского писателя.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русский фольклор и литература; антисказка; постмодернизм; советская сатира; антибюрократическая сатира

Д л я ц и т и р о в а н и я : Коренькова, Т. В. Повесть-сказка «До третьих петухов» В. М. Шукшина под ракурсом интертекстуальности / Т. В. Коренькова, Шао Сыцзя. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 109–120. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-109-120.

THE FAIRY-TALE NOVELLA BEFORE THE ROOSTER CROWS THRICE BY VASILY SHUKSHIN FROM THE PERSPECTIVE OF INTERTEXTUALITY

Tatiana V. Korenkova

RUDN University (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4829-4947>

Shao Sijia

RUDN University (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4453-7355>

Abstract. The paper describes the intertextual structure of the satirical fairy-tale novella *Before the Rooster Crows Thrice* by Vasily Shukshin. This extravagant parody (according to Nicole Christian) widely employs the techniques of postmodern poetics that were not typical of the realist writer. The authors consider the poetic functions of the Russian folklore and literary characters in a kind of “literary anti-fairy tale” (such as Ivan the Fool, a three-headed dragon Zmey Gorynych, Baba Yaga, Ilya Muromets, the Unsmiling Princess, malign spirits, sentimental “poor Lisa”, etc.). The paper reveals camouflaged allusions, quotations, and metatextual connections that clarify Shukshin’s intention and determine his place in the context of late Soviet Russian anti-bureaucratic literature. It is noted that the intertextuality of the folklore characters in this anti-tale is largely mediated by references to school folklore, scenes of amateur student theaters of variety miniatures (STEMs), Soviet professional satire of the 1950-70s (such as *Tyorkin in the Other world* by Alexander Tvardovsky, Vladimir Vysotsky’s songs, and popular humorous USSR TV programs).

The complex historical and cultural background of the late Soviet anti-tale and experimental expressive techniques caused the fact that *Before the Rooster Crows Thrice* remains little known to the foreign reading public at large (for example, in China). Meanwhile, the reference to these poetic features could allow translators to convey Shukshin’s ideas and mental imagery to the Chinese connoisseurs of the literary heritage of the Siberian writer.

Key words: Russian folklore and literature; anti-fairy tale; postmodernism; Soviet satire; anti-bureaucracy satire

For citation: Korenkova, T. V., Shao, Sijia (2024). The Fairy-tale Novella *Before the Rooster Crows Thrice* by Vasily Shukshin from the Perspective of Intertextuality. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 109–120. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-109-120.

Введение

В России и за рубежом В. Шукшин получил репутацию писателя-«деревенщика», автора коротких рассказов о добрых «эксцентричных неудачниках», «чудиках». Но на рубеже 1960-х – 1970-х писатель создал ряд произведений, в которых решился на смелый литературный эксперимент, перенес действие и своих героев «в некоторое царство, в некоторое государство». Таковы сказка-притча «Точка зрения» (сценарий 1967 г. был переработан в опубликованную в 1974 г. повесть), рассказ «Чужие» (1974), стихотворение «Это было давно...» и повесть «Ванька, смотри: Сказка про Ивана-дурака, как он ходил за тридевять земель набираться ума-разума» (1973–1974), опубликованная уже после смерти автора под редакционным заглавием «До третьих петухов». Близок к этой группе произведений рассказ «Как зайка летал на воздушных шариках» (1972), где «текст в тексте» – недорассказанная сказка о зайке, полусимулякр, – становится композиционной осью, вокруг которой разворачивается вполне реалистический сюжет.

Эти особенности поздней прозы Шукшина привлекли внимание специалистов, изучающих волну неомифологизма в русской литературе середины 1960-х – 1970-х гг., и исследователей постмодернизма [Эшельман 1994; Christian 1997; Куляпин 2001; Глушаков 2011; Маркова 2011; Цветова 2020¹]. Другие в стилистическом зигзаге Шукшина увидели вынужденное обращение писателя к эзопову языку и скрытую критику советской действительности [Morgan 1991; Сигов 2022]. Другие шукшиноведы даже рискнули заявить, что «Поздний Шукшин – абсолютный постмодернизм» [Авченко 2022].

Вопрос «В какой мере суждения о Шукшине как постмодернисте оправданы?» остается предметом дискуссий, но характерная для постмодернистской поэтики многослойная интертекстуальная игра в названных произведениях писателя несомненна. С последним положением согласны многие современные исследователи: А. И. Куляпин, О. Г. Левашова, О. И. Бузиновская, С. М. Козлова, В. В. Десятков, Яо Йе и другие.

Методы и материалы

Термин «интертекстуальность» (фр. *Intertextualite*) как своего рода аналог «цитатной мозаики» был введен в 1967 г. теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой и оказался теоретически исключительно плодотворен при анализе искусства постмодернизма. В 1982 г. Жерар Женетт в развитие этой идеи предложил уже «пятичленную классификацию разных типов взаимодействия текстов: 1) интертекстуальность как сопresутствие в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т. д.); 2) паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию,

эпиграфу и т. д.; 3) метатекстуальность как комментирующая и часто критическая ссылка на свой предтекст; 4) гипертекстуальность как осмеяние и пародирование одним текстом другого; 5) архитектурность, понимаемая как жанровая связь текстов» [Ильин 1996: 105].

Таким образом, при рассмотрении феномена интертекстуальности можно выделить два подхода: широкий и узкий. Интертекстуальность в широком смысле – это универсальное свойство любого текста и фактор, определяющий деятельность художника независимо от его сознания, желаний и воли. В узком смысле – это фактическое существование в тексте одного или нескольких текстов, сознательно инкорпорированных автором и реализуемых через цитаты, аллюзии, реминисценции и т. д.

Не углубляясь в терминологические дискуссии, в предлагаемой работе авторы опираются на формулировку В. И. Арнольд: «Под интертекстуальностью понимается включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [Арнольд 1999: 346]. Представляется в данном случае перспективным рассматривать и такой аспект интертекстуальности, как обусловленность цитаций, цитонов, переработки тем и сюжетов, аллюзий и парафраз, пародий и т. д. «диалогом сознаний», переосмыслением традиции и рецепцией прошлого [Синельникова, Глушкова 2019]. При этом интертекстуальность в узком смысле «не следует смешивать с понятием литературных влияний, или бродячих сюжетов и мотивов» [Арнольд 1999: 347] и разного рода проявлениями вечных образов и культурных архетипов.

Вопрос о архитектурности, жанровой принадлежности «До третьих петухов» Шукшина различно решается литературоведами, о чем свидетельствует подробный обзор С. А. Горбушина и Е. Я. Обухова [Горбушин, Обухов 2018: 169–170, прим. 3, 4]. Жанровая нестандартность произведения, которое сам автор отнес к «повестям для театра», отражается в попытках других исследователей: сатирическая повесть-сказка, философская сказка, сказка для взрослых, сказка-быль, «путешествие в страну литературных героев», зашифрованная «автобиография и покаяние», исповедь, пьеса и другие. Термин «антисказка», впервые введенный в научный обиход А. Йоллесом (*Antimärchen, tragischen Märchen* [Jolles 1968: 242]), в смысле 'трагическая сказка' в применении к этому произведению Шукшина представляет несомненный интерес, но требует серьезного комментария. Наиболее же распространенный вариант жанрового определения – литературная сказка.

Причем такие иногда используемые определения, как «художественное завещание», исповедь, предполагают выявление автобиографических аллюзий и подтекста. Между тем в интерпретации «До третьих петухов» под этим ракурсом в значительной мере сохраняется лакуна, которую отмечают шукшиноведы (например: «Во многих работах расшифровка персонажей отсутствует,

¹ Цветова Н. С. «Василий Шукшин – актуальный классик?» (итоги круглого стола в рамках Санкт-Петербургского международного культурного форума) // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 1. С. 214–219. DOI: 10.26170/FK20-01-22. EDN PEGQVV.

<...> не затрагивается тема автобиографичности» [Горбушин, Обухов 2018: 170, прим. 3]).

Таким образом, методологически верно при анализе «повести для театра» обратить первостепенное внимание на следующие интертекстуальные моменты:

- синкретический экспериментальный характер избранного Шукшиным жанра, его сатирическая пародийная направленность и связанные с этими творческими установками приемы трансформации фольклорных и литературных образов;

- исходная сценичность (ориентированность автора – режиссера и актера, уже имеющего опыт киноповестей, на перспективы инсценировки произведения), которая предполагает допущение театральности условностей, значимость музыкального оформления (в данном случае зафиксированная в написанном тексте), вероятные кино- или театральные аллюзии;

- наличие завуалированных автобиографических мотивов.

Результаты

Литературная сказка – синтетический жанр, соединяющий компоненты фольклорной сказки и разных собственно литературных жанров, вбирающий в себя и творчески перерабатывающий взятые из предшествующей традиции общую композицию и отдельные узнаваемые повороты сюжета, образы, коллизии и даже хронотоп и особенности художественного мира.

В современной Шукшину русской реалистической «деревенской прозе» жанр литературной сказки занимал периферийное место. Таковы были рассказы для детей «Белогрудка» В. П. Астафьева (1961), «Жила-была сёмужка (Северная быль)» Ф. А. Абрамова (1962), сказовые вставки бабки Евстоли о пошехонцах в повести «Привычное дело» В. И. Белова (1965) и «Лебяжинские сказки» в романе С. П. Залыгина «Комиссия» (1975). С оговорками в этот ряд можно поставить «Сказки» С. Г. Писахова и «Поморские были и сказания» Б. Шергина (1957). При этом, обрабатывая фольклорный материал, Б. А. Можаяв в «Удэгейских сказках» (1955) и «Железном клюве» (1959) явно дистанцировался от русской народной словесности.

Повесть-пародия «До третьих петухов» стоит в этом ряду явно особняком. Персонажи литературной сказки Шукшина лишь частично похожи на своих прототипов, безусловно, общее у них – только имена. Литературно-сказочный образ лишь ассоциативно проецирует происходящие события на общеизвестный фольклорный подтекст.

Композиция повести-сказки имеет явные параллели со сказкой «Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Но резкое отличие композиции произведения Шукшина от фольклорных источников дает простое сопоставление ее с описанной В. Я. Проппом в «Морфологии волшебной сказки»: начальная ситуация (i), отправка героя из дома (↑), недостача (a), ликвидация беды или недостачи (Δ) – в шукшинской повести совершенно не сказочные.

Если то, что «ликвидация беды или недоста-

чи» (Δ) не состоялась, можно отнести к особенностям антисказки, то нарочитая деформация всех остальных элементов сказочных сюжетов не поддается такому объяснению.

Так, в начальной ситуации (i), в исходном пункте сюжета начало общественного собрания выглядит совершенно немотивированно. Оно сюжетно не связано ни с предыдущим телефонным разговором, ни с каким-либо другим моментом в повести и может быть объяснено только рутинностью таких мероприятий в СССР после завершения рабочего дня. При этом отсутствует малейший намек на нарушение табу, зато демонстрируются языковая игра и псевдопонимание, что совершенно невозможно в завязке фольклорной сказки. Эпизод, где литературные персонажи слышат телефонный разговор молодой библиотекарши, но неверно понимают ее жаргонные слова: пшено (ерунда), козел (сексуально озабоченный дурак), потопчемся (потанцуем, погуляем), – никак не связан с последующим сказочным действием.

Также в полном несоответствии с фольклорными клише мотив «отправка героя из дома (↑)» опирается на веющую абсурдом угрозу изгнания героя из дома, т. е. книг, библиотеки и культуры в целом [Куляпин 2004: 17].

Финал также фантастогоричен: герой сказки получает как «награду» не справку, а целую печать, и никто не знает, что с ней делать дальше – недостача остается, задача не решена.

Хронотоп «До третьих петухов» можно назвать условно сказочным. С одной стороны, в как бы замкнутом иномирном пространстве, где разворачивается основное действие, обитают Баба-яга, Змей Горыныч, черти, царевна Несмеяна, но одновременно там звучат современные шлягеры. Границы между реальностью (повседневная жизнь библиотеки) и миром книжных – былинных и литературных – героев расплывчата, «невсамоделишная» (см. финальный эпизод с уборщицей, нашедшей шапку атамана).

Интертекстуальная игра автора, смешение сказочных шаблонов и узнаваемых черт советского культурного быта создают в сознании читателя мучительную раздвоенность.

Парадоксально международное положение неприкаянного Ивана-дурака: он идет в «как бы свой исконный» сказочный мир, откуда он родом, чтобы получить официальное право проживать в чужом, «как бы реальном», мире среди книг на полке библиотеки. Отчужденность протагониста от бытия (в любом из возможных миров) фундаментальна, экзистенциальна.

Художественный мир «До третьих петухов» также вывернут наизнанку. С одной стороны: «Лес, монастырь, канцелярия – реальный мир. <...> Библиотека, напротив, мир нереальный. Это мир идей» [Горбушин, Обухов 2018: 178]; «автор провокационно окарикатурил образ культурной элиты 70-х и оспорил место своего героя в истории литературы, прозорливо представив ее постмодернистской “библиотекой” с бессильно агрессивными

персонажами»². С другой – по славянским поверьям пение третьих петухов спасительно, оно знаменует начало рассвета и конец морока, власти темных сил. В шукшинском тексте же это двусмысленный момент обмирания всех участников собрания литературных героев: «Тут и сказке нашей конец. Будет, может быть, другая ночь...».

Эти хронотопические и композиционные моменты отсылают к поэтике абсурда и дают основания указать в числе источников этой повести-сказки (как и творчества Шукшина в целом) роман «Процесс» и другие произведения Ф. Кафки³ [Корнеев 2010; Глушаков 2018; Куляпин 2020b], а также популярную сатирическую миниатюру «Верблюды Гималайский»⁴ в юмористической телепередаче Центрального телевидения Гостелерадио СССР «Кабачок “13 стульев”» (1968; [Душенко 2019]).

При этом концовка «До третьих петухов»: «Тут и сказке нашей конец. Будет, может быть, другая ночь...» – отсылает парафрастически к словесной орнаментике русских переводов «Тысячи и одной ночи» («застигло утро, и Шахерезада прекратила дозволенные речи»).

Еще явственнее поэтика аллюзий, реминисценций, парафраз, цитат и цитонов проявляется при создании Шукшиным системы персонажей повести-сказки.

При анализе системы персонажей «До третьих петухов» исследователи останавливаются на интерпретациях образов сказочных героев: Ивана-дурака, Змея Горыныча, Бабы-яги, царевны Несмеяны, медведя Михайла Иваныча, чертей (как сказочных персонажей), а также былинного Ильи Муромца, атамана-казака из исторических песен о Стеньке Разине. Поэтическая функция книжных героев: Бедная Лиза, Обломов, лишний человек («то ли Онегин, то ли Чацкий»), канцелярская душа Акакий (Башмачкин?), «пришибленного вида чеховский персонаж» – обычно не рассматривается. Включение их в действие может показаться случайным. Между тем их «литературность» условна, почти размыта и позволяет отнести их скорее к персонажам ученического фольклора – анекдотам о персонажах из школьной программы по литературе и так называемым «перлам» – ходившим в то время по рукам спискам «ошибок из школьных сочинений».

К ним же можно отнести и образ Милки – секретарши в повести и любовницы в эротических частушках и версиях упомянутой в повести плясовой «Камаринской» (например: «не ходи-ка, милка, по мосту, не женись-ка пока я не вырасту»).

Близки к фольклорной стихии отраженные в повести художественные явления массовой культуры тех лет: танцы и плясовые мелодии [Московкина 2022], шлягеры «А парень улыбается в пше-

ничные усы» («Поет гармонь за Вологдой», слова А. И. Фатьянова, муз. В. П. Соловьева-Седого), «Разве тот мужчина!» (слова Р. Г. Гамзатова и Я. А. Козловского, муз. О. Б. Фельцмана), популярные застольные песни – романсы «Хас-Булат удалой» и «Очи черные», а также «Песенка чертей», в которой угадываются пародии на шуточные студенческие песни рубежа 1960-х – 1970-х⁵.

Заметно ближе к шукшинской повести-сказке по хронологии и использованию поэтического приема «старые сказки и басни на новый лад» такие популярные явления советской культуры 1960-х – 1970-х, как мультфильмы «Вовка в Тридевятом царстве» (1965), юмористический фантастический роман «Понедельник начинается в субботу» Стругацких (1965), цикл песен-антисказок В. С. Высоцкого (1966–1974), повесть для детей «Вниз по волшебной реке» Э. Успенского (1972), типичные номера самодеятельных студенческих капустников и КВНов, пародийных переиначек программных произведений в школьном фольклоре (см. эхо утраченных фольклорных текстов такого рода в литературной сказке Ю. Г. Томина «Шел по городу волшебник» (1963): «Над золотом чахнет царь Кощей, / И ловит слон в лесу лещей. / Там на неведомых дорожках / Верблюды пляшут в босоножках...» и др. [Романова 2005]).

Таким образом, говоря об интертекстуальности «До третьих петухов» как «рецепции прошлого», следует иметь в виду именно игру Шукшина, во-первых, с фольклорной традицией и массовой культурой, и во-вторых, с литературой как таковой.

Среди главных действующих лиц «повести для театра» наименее литературен и фольклористичен, но наиболее важен для понимания замысла Шукшина образ Мудреца (говоря в терминах Поппа, «дарителя искомого», справки).

Одни шукшиноведы видят в нем «шутовского короля», «краснобая и лжепророка» [Десятов 2000: 164], другие – художественное воплощение «культурной элиты общества» или «высокопоставленного чиновника от культуры», третьи – «лжемудреца» в споре с просветленным юродивым: «умная дурацкость» Ивана противопоставляется лжеуму Мудреца» [Левашова 2004: 12].

Интересно, что ассоциативные ловушки при интертекстуальном анализе ярче всего проявляются именно в связи с Мудрецом. Так, в богатой ценными наблюдениями статье В. В. Десятова отмечается: «Мудрец и почти всё, что связано с ним в тексте (образы чертей, секретарши Милки, Несмеянов, вулкана “Дзидра”), многократно и многообразно отсылают читателя к литературе серебряного века и, соответственно, к эпохе русских революций. <...> Ближайшими прототипами Мудреца яв-

² Плеханова И. И. Провокация в художественном сознании В. Шукшина: мотивы и пределы испытания смыслов // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 1. С. 21. DOI: 10.26170/FK20-01-02.

³ О своеобразии «кафкомани» в творческих кругах СССР после издания знаменитого «черного томика» см.: [Жук 2018].

⁴ «Кабачок 13 стульев» (сезон 1968) // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL: www.youtube.com/watch?v=nAIGcfsvIvA [53:07–1:05:27].

⁵ Не исключено, что нетипичный для советской студенческой песни припев «аллилуйя» был навеян «My Sweet Lord» Дж. Харрисона (1970/1971), танцевальная мелодия на которую идеально ложится на шукшинский текст. О популярности ее в СССР свидетельствует тот факт, что она была включена в аудиоприложение к декабрьскому номеру журнала «Кругозор» за 1974 год (пластинка № 12) под названием «Мой повелитель», в котором религиозный смысл песни был густо заретуширован.

ляются Андрей Белый и Александр Блок» [Десятов 2000: 160, 164]. Этому персонажу приписывается «роль трагического Адама Кадмона <...> – двуполого, т. е. не утратившего ребра сверхмудрого существа» [там же: 174]. Такой вывод строится на основании указания на сходные черты «представителей ахматовской и шукшинской “чертовни”» [там же: 161] и иносказательного истолкования названия вулкана «Дзидра»: «Вулкан – эсхатологический символ <...> Цепочка “вулкан – революция – нежданчик” порождает ассоциации с именами известного революционера Нечаева и героя тургеневской “Нови” Нежданова» [там же: 164, 168]. Натяжкой выглядит предложенное объяснение этого оронима на основе созвучия со словесным клише «гидра контрреволюции».

Между тем уже само использование писателем кавычек при указании названия вулкана вызывает вопрос: почему такое фонетически странное название?

Ответ прост: Dzidra – латышское женское имя, значащее «ясная, прозрачная, светлая». Само собой, речь не могла идти ни о вулканах, ни об извержениях. Вряд ли Шукшин решил бы вплести в свой сатирический текст намеки на Дзидру Ритенберг, вдову трагически погибшего в 1965 году актера Евгения Урбанского. Зато среди знакомых Шукшина по дому творчества писателей в Дубултах (г. Юрмала), где он отдыхал летом 1972 года, была знаменитая в творческих кругах Дзидра Тубельская (1920–2009; она же Шиловская, Тур), мемуаристка, дочь известного советского дипломата и партийного деятеля Э. Я. Кадика, невестка Е. С. Булгаковой. (Таким образом, соль шукшинской шутки про вулкан «Дзидра» еще предстоит раскрыть.)

Также малоубедительна попытка провести параллели между бесами на «шабаше-ассамблее» в повести-сказке Шукшина и inferнальными персонажами поэтов серебряного века. Демонография последних восходила через веяния *Fin de siècle*, явления массовой культуры типа литографий и стереокарт *Les Diableries* (1861), «*La Comedie du diable*» (1831) О. Бальзака и романтический демонизм к традициям средневековых западноевропейских дьяблерий [Tormey 2000; Стахорский 2015: 180–185, 220–221; Колчанов 2017: 42–43]. Между тем как канцелярская чертовщина у Шукшина явно идет в русле отечественной литературы – от эпизодов бюрократической мистерии в «Сегелиеле» В. Ф. Одоевского [Сакулин 1913: 51–68; Кореньков 1998], чеховской «Беседы пьяного с трезвым чертом» (1886) и особенно поэмы-сказки А. Т. Твардовского «Теркин на том свете»⁶.

Ничем не закончившаяся история хождений Василия Теркина на том свете за аттестатом и по-смертными справками и история о том, как Иванушка-дурачок ходил за тридевять земель «добывать справку, что он умный и современный», явно близки сюжетной канвой.

⁶ Подборка рассказов Шукшина «Они с Катуня» и резонансная антибюрократическая сатира Твардовского вышли в «Новом мире» с разницей всего в полгода (№ 2 и № 8 за 1963 год).

Совпадает хронотоп обоих произведений: неопределенно долгое по времени странствие в ином мире ограничено длительностью одной ночи в мире реальном. Иван-дурак ходит всю ночь «До третьих петухов». Василий Теркин: «Убыл-прибыл в поздний час / Ночи новогодней...» – и: «Воротился с того света, / Прибыл вновь на белый свет», – к утру, но уже в Новом году.

Несомненен и сатирический пафос обоих произведений, направленных против очевидных народу фатальных несоответствий между результатами псевдодемократических реформ и пропагандистскими декларациями о курсе на преодоление «канцелярско-бюрократического стиля в работе», борьбе «с очковитирательством, проявлениями местничества и ведомственности, бюрократизмом и волокитой» на основе «развертывания всех форм общественной самостоятельности трудящихся» (домкомов, товарищеских судов). Сатира на аппаратно-бюрократический абсурд была востребована советским политическим руководством периода «оттепели» и первых послехрущевских лет, допускалась цензурой и принесла «богатый урожай в закрома» художественной культуры СССР [Юдин 2021: 124].

Среди других весьма вероятных источников шукшинской повести-сказки, косвенно повлиявших на ее поэтику, – эстрадные антибюрократические сатирические миниатюры А. И. Райкина⁷ и особенно спектакли студенческой эстрадно-театральной студии «Наш дом» при ДК МГУ. Большой резонанс среди студентов и в кругах творческой интеллигенции вызвали исполненные в гротесковом «абсурдно-молодежном стиле» сценка «Ваша Креслость», действие которой разворачивалось в письменно-стольном граде Бюрограде в стране Канцелярии⁸, и сказочно-лубочная история «Про царя Макса-Емельяна, жену его Настю, двести тысяч царей – его сыновей, воина Анику, царевну Алену, Мастера-На-Все-Руки и прочих лиц из былых небылиц»⁹ [Богатырева 2006: 40–41, 54, 76].

Таким образом, к моменту рождения замысла «До третьих петухов» эпопов язык советской антибюрократической сатиры, репертуар сюжетов и набор коллизий и узнаваемых аллюзий (в терминах того времени – «неконтролируемых подтекстов») были разработаны писателями, почти без проблем проходили цензурные фильтры и стали хорошо понятны без комментариев во всех своих нюансах читательской публике.

Именно в этом иносказательном ключе была создана В. С. Высоцким песня «Жил-был добрый дурачина-простофиля»¹⁰ (1964), первая в ряду произведений, где политически злободневная сатира вуалируется отсылками к сказочным образам.

⁷ «Сказка о дураке», «Сказка о медведе и зайце» (1960), «О бюрократях» (1974).

⁸ Спектакль «Прислушайтесь – время!» (1961).

⁹ Эстрадно-музыкальный балаган в 2-х отделениях (1968).

¹⁰ В свою очередь, по форме «Сказка про дурачину-простофилю» воспроизводит сатирический прием из стихотворения Ю. Тувины в переводе С. Я. Маршака «Сказка про дурака битого-небитого» (другое название: «Не так, или Сказка про дурака», 1956): «Что ни делает дурак, Всё он делает не так».

В истории злоключений и глупостей фольклорного тщеславного дурака и сумасброда современники явно угадывали иронию по поводу публичного поведения и перипетий политической карьеры Н. С. Хрущева, ставшего уже на рубеже 1950-х – 1960-х гг. героем многочисленных анекдотов.

Новое направление сатиры проявилось в антисказках Высоцкого 1966–1974 гг.: «Про черта», «Странная сказка», «Сказка о нечисти», «Про дикого вепря», «Моя цыганская», «От скучных шабашей...», «Сказка о несчастных сказочных персонажах», «Песня про джинна», «В Тридевятом государстве», «Рай для чертей», «Песенка про козла отпущения», «Скоморохи на ярмарке» и особенно «Лукоморья больше нет».

На этом фоне показательна и эволюция изобразительных средств советских антибюрократических сатирических мультфильмов тех лет. Если в лентах рубежа десятилетий высмеиваемые персонажи прямо изображены людьми в ситуациях типических канцелярских казусов: «Баллада о столе» (1956), «В одной столовой» (1957), «Большие неприятности» (1961), «Баня» (1962), – то уже с 1963 г. кинематографисты переходят к формам иносказаний. Так, в аллегориях «Проверьте ваши часы» (1963) и «Происхождение вида» (1966) комбинируются антропоморфные и условные образы типа минутных стрелок и рисок-минуток на циферблате. Большинство же работ мультипликаторов выдержаны или в классических сказочно-басенных традициях: «Портрет» (1965), «Знакомые лица», «Иван Иваныч заболел» и «Осел в обойме»¹¹ (1966), «Чертовщина» (1968), – или в стилистике кафкианской сатиры: «Жил-был Козявин» и «Человек в рамке» (1966).

«Сказочный реализм» зафиксировал конец «социалистического романтизма» (именно в 1966–1968 гг. некоторые литературоведы отметили *post factum* существования в СССР этого явления) и начало пост-«оттепельного» разочарования и демифологизации официального языка и сознания советской интеллигенции. Эти настроения были точно переданы в песнях Высоцкого: «Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!», «Все мы сказками слегка / Да обегорены», а также финальной фразой фильма «Старая старая сказка» (1968) по сценарию В. С. Фрида и Ю. Т. Дунского: «Сказка – это одно, а жизнь совсем другое».

Поэтическая особенность антисказок Высоцкого, резко отличающая их от предшествующей традиции советской сатиры 1950–1960-х, – сарказм лирического героя, который с отчаянием принимает неизбежность происходящего. Это не «бой мещанству и бюрократии», не ирония по поводу «отдельных недостатков» и чинуш, не просто признание банкротства мечты, но ощущение «заброшенности в мир» (*Geworfenheit*) и констатация экзистенциального поражения. «Лукоморья больше нет» и перенесенные в узнаваемые реалии городской жизни 1960-х персонажи песен: Иван-дурак,

Кощей, Змей Горыныч, Баба-яга и другие – необратимо принимают новые, травестивно бытовательные, совсем не сказочные правила жизни.

Этих же персонажей и те же поэтические приемы Высоцкого, «неконтролируемые подтексты», использовал Шукшин в своей прозаической «сказке-были». То же ощущение на грани отчаяния перед лицом абсурда передано им в «Сказке про Иванушку-дурачка, как ходил он за тридевять земель добывать справку, что он умный и современный».

Более того, совместная работа писателя-актера Шукшина и актера-барда над радиоспектаклем «За Быстрынским лесом» и упомянутое Высоцким на последнем концерте намерение Шукшина пригласить его на роль в фильме «Я пришел дать вам волю», работа над сценарием которого шла в 1970–1974 гг., дают дополнительные основания для выявления интертекстуальных переключек и использованных поэтических приемов в их произведениях рубежа тех десятилетий.

Обсуждение

В целом поэтика «До третьих петухов» опирается на прецедентные тексты русской культуры, существующие в процессе межпоколенной передачи текстов в изустной и письменной традициях (сказки, былины, легенды, притчи, анекдоты, памятники классической художественной литературы). Причем в абсолютном большинстве здесь представлены персонажи из круга детского и учебного чтения.

Исключения, требующие доосмысления, чрезвычайно редки. Таковы реплики чертей «Ах, какая неподкупная душа! Какой Анжелико!» и «пошехонские страдания», а также Алка, имя царицы Несмеяны, и некий вулкан «Дзидра».

Представляется сомнительным, что мимоходом упомянутый в тексте повести-сказки Анжелико имеет отношение к художнику Джованни да Фьезоле¹², подробное жизнеописание которого оставил Дж. Вазари. Напротив, данная чертами характеристика: «какая неподкупная душа! Какой Анжелико!» – скорее применима к протагонисту поэмы «Анджело» Пушкина в прямом смысле (к исходной репутации) и иронично (к его последующему грехопадению). При этом интертекстуальная игра с пушкинскими произведениями была характерна для антисказок Высоцкого и первых шагов русского постмодернизма (например, «Прогулки с Пушкиным» А. Терца / А. Д. Синявского, 1966–1968; подробнее см.: [Мащенко 2012]).

Фраза «пошехонские страдания», с одной стороны, отсылает к фольклорным рассказам о наивных пошехонцах, жителях сел и городов по берегам притока Волги реки Шексны (2/3 длины которой и окрестные земли «съели» Рыбинское и Шекснинское водохранилища), и поиске ими праведной чудесной земли [Рыбальченко 2009]. С другой – к литературной традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина и В. И. Белова о жизни русской провин-

¹¹ Две последние – выдержанные в стилистике антибюрократической сатиры 1950-х экранизации басен С. М. Михалкова, написанных еще в 1950 и 1957 гг.

¹² Новый всплеск интереса к нему в связи с канонизацией в 1984 г. возник уже после смерти Шукшина.

ции. С третьей – это автоцитата, отсылка к так называемой сцене «Бордельеро (белозерские страдания)» из кинофильма «Калина красная» (1973), снятого в Белозерске и других местах Пошехонья.

Имя царевны мотивировано не сюжетом, а какими-то фактами биографии самого автора. Возможно, ключ к разгадке даст стихотворение «Несмеяна» (1973) Б. А. Ахмадулиной. Характерным Алка созвучен с домашним именем поэтессы – Белка (так, по свидетельствам мемуаристов, называли ее близкие люди). В нем, вероятно, отразились воспоминания об их ярком мимолетном романе осенью-зимой 1963/64 г., позже описанном поэтессой в очерке «Не забыть. Памяти Василия Шукшина» (1978).

Выводы

Таким образом, сказка-повесть создавалась Шукшиным с ориентацией на четыре группы интертекстуальных полей:

- собственно на фольклор (от сказок, былин, застольных песен до анекдотов с участием сказочных и былинных персонажей и сенок СТЭМов и КВНов в стиле «старые сказки на новый лад») и массовую культуру, тексты шлягеров советской эстрады;

- отечественную традицию литературных сказочных пародий и антисказок (от Пушкина до Высоцкого);

- опыт советской антибюрократической и антимещанской литературно-театральной сатиры 1950-х – 1970-х гг.;

- интертекстемы, рассчитанные на понимание узким кругом знакомых по квартирникам и театральным или писательским капустникам в домах творчества.

Понятно обращение писателя как представителя поколения шестидесятников к творческим поискам и художественным наработкам современников, чье творчество вольно или невольно вступало в конфликт с дряхлеющей советской идеологией и оторванными от реальной жизни граждан СССР клише партноменклатурной пропаганды.

Логична была и эволюция поэтики Шукшина, проявившаяся в «повестях для театра», в сторону камерности с элементами герметизма, шуток, автоцитат, цитон, реминисценций и аллюзий «только для своих» и не понятных цензорам.

Сам метажанр «повесть для театра» предполагал возможность переработки текста из журнальной версии в сценарий фильма, аудиоспектакля в форматах бывших на пике своей популярности радиопередач «Театр у микрофона», музыкальные и юмористические «После полуночи в три минуты первого», «Передача для полуночников», «Мы с вами уже встречались», «Вечер юмористического рассказа», «Вы нам писали», «Радио-туш» и т. п., где цензурные фильтры были не столь жесткие, как для публикаций в толстых журналах или книжных изданиях. Именно этот момент определяет диалогичность и своего рода музыкальность текста, насыщенность отсылками к общеизвестным песням (застольным, плясовым, эстрадным).

Таким образом, повесть-сказка «До третьих петухов» – художественный эксперимент Шукшина, суть которого в том, что действие, основанное на многократно обыгранной в отечественной антибюрократической сатире классической коллизии «мытарств хождения за справкой», было обработано в стилистике постмодернизма.

При этом, как обнаруживает анализ произведения под ракурсом его интертекстуальных связей: отсылок к русскому фольклору, литературным антисказкам и т. д., – писатель сознательно идет на «совмещение планов», наложение в тексте различных по природе поэтических систем. В частности, на формально заданном фоне смеховой традиции и приемов сказок происходит смешение сарказма, связанного с почти кафкианским ощущением экзистенциального абсурда, с постмодернистской иронией и элементами эпатажного стеба.

Однако традиционный для шукшинского творчества герой-чудик (Иван-дурак, который совсем и не дурак) оказывается не вполне соприроден возникающему художественному миру. Дело в том, что алогизм поступков-чудачеств в фундаментально алогичном мире абсурда теряется. Антибюрократический обличительный запал выглядит в значительной мере узнаваемым, вторичным даже по отношению к сатирическим миниатюрам и ерничанью расхожих анекдотов.

С одной стороны, творческий эксперимент Шукшина демонстрирует, что постмодернизм не характерен в целом для его сложившейся к тому моменту писательской манеры. С другой – представляет несомненный интерес как историко-литературный факт и попытка синтеза столь разнородных по своей художественной природе интертекстуальных явлений.

Этот стилистический эксперимент, несомненно, вызвал интерес у отечественной читающей публики и зарубежной русистики. В школьной программе российских школ и вузов повесть появляется периодически¹³ [Чернова 2010], хотя на сайте проекта «100 лучших книг» в публичном, пусть и методологически не беспорочном, рейтинге книг, написанных на русском языке, повесть Шукшина стоит на первом месте по средней оценке (4,07 при 933 проголосовавших), а по критерию «общее количество баллов» занимает 142-е место в списке¹⁴.

Повесть переводилась на иностранные языки. Реалии эпохи, проблемы и эзопов язык повести-сказки Шукшина были понятны читающей и театральной публике стран социализма, поэтому неудивительно, что вскоре после внезапной трагической кончины писателя «До третьих петухов» была переведена на болгарский (*До трети петухов*). *Приказка за Иван Глупака, как отишъл в далечни страни, за да придобие разум*), немецкий (*Bis zum drittenmal dor*

¹³ Школьная программа по русской литературе. 1–11 классы // РВБ, 2020–2023. Версия 1.0 от 20 декабря 2020 г. URL: <https://rvb.ru/prog/ruslit-shkola.html#> (дата обращения: 30.04.2023).

¹⁴ Лучшие книги на русском языке // Онлайн-проект «100 лучших книг». 2009–2023. URL: <https://www.100bestbooks.ru/index.php?page=1> (дата обращения: 30.04.2023).

Hahn kraht), польский (*Nim zapieje trzeci kur*¹⁵ и *Nim trzeci kur zapieje*), венгерский (*A harmadik kakasokig*), чешский (*Než kohout třikrát zakokrhá*), словацкий (*Až do tretieho kohúta*), сербохорватский (*Do trećih pijetlova / Do trećeg pijetla*), словенский (*Do tretjega petelina*).

Как критика советской действительности она была воспринята в Западной Европе [Politicizing Magic 2005; Стопченко 2012; Roitberg 2020], где выходила на английском (*Before the Cock Crows Thrice: A Tale about Ivan the Fool, How He Traveled Beyond the Thrice-Ninth Kingdom to Acquire Some Wits and Wisdom*) и в кратком переложении упоминалась на итальянском (*Prima del terzo gallo*). Но страсти и эмоции, связанные с перестройкой и распадом СССР, утихли и интерес к ней в связи с интерпретациями в культурно-политологическом ключе заметно угас.

Произведения Шукшина пользуются популярностью в Китае [Гао Чжэньчжи 2004; Ли Чжэньжун, Ван Лидань 2019; Цзин, Монисова 2019]. «Герои, темы, сюжеты, народная культура, представ-

ленные в его творчестве, были тепло восприняты китайскими читателями и до сих пор остаются в центре внимания китайских литературоведов» [Мэн Цы 2022: 111]. Написаны специальные методические разработки по изучению шукшинской прозы китайскими студентами [Сяо Цзыцы 2016]. Но «До третьих петухов» осталась до сих пор незамеченной китайскими издателями, вероятно, из-за того, что сатира, опирающаяся на образы из русских сказок и былин, и элементы постмодернистской игры смыслами требуют особого комментария.

С учетом всех выявленных фактов можно предположить, что творчество В. М. Шукшина с использованием приемов постмодернизма до сих пор во многом оставалось для значительной части зарубежных русистов «шкатулкой с секретом». Дальнейшее выявление интертекстуальных связей шукшинской антисказки поможет точнее донести до новых читателей художественный замысел и круг идей автора «До третьих петухов» в контексте мирового литературного процесса середины – конца XX века.

¹⁵ Первая постановка в Белостокском театре кукол уже в 1983 году.

Литература

Абашева, М. П. Проблема комического в советской прозе 60–70-х годов (В. Шукшин, В. Белов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. П. Абашев. – М., 1987. – EDN NOERCV.

Авченко, В. О. [Интервью Е. Савчековой] Литературное исследование образа современного писателя. Часть 2 / В. О. Авченко. – Текст : электронный // Pechorin.net : сайт. – 4 авг. 2022. – URL: <https://pechorin.net/articles/view/litieraturnoie-issliedovaniie-obraza-sovriemiennogho-pisatielia-chast-2> (дата обращения: 30.04.2023).

Арнольд, И. В. Объективность, субъективность и предвзятость в интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. статей. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 341–350.

Богатырева, Н. Ю. Окна «Нашего дома». История эстрадной студии МГУ «Наш дом» (1958–1969 гг.) / Н. Ю. Богатырева. – М. : МПГУ, 2006. – 125 с.

Вертлиб, Е. А. Василий Шукшин и русское духовное возрождение / Е. А. Вертлиб // Русское – от Загоскина до Шукшина: (Опыт непредвзятого размышления). – СПб. : Библиотека «Звезды», 1992. – С. 183–405.

Гао, Чжэньчжи. Анализ литературных достижений сибирского писателя Шукшина / Ч. Гао // Сибирские исследования. – 2004. – № 31 (5). – С. 3.

Глушаков, П. С. Василий Шукшин: от Кафки до Тарковского / П. С. Глушаков // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 13. – М. : Собрание, 2018. – С. 432–458.

Глушаков, П. С. Языческое и христианское в стихотворении В. М. Шукшина «Это было давно...» / П. С. Глушаков // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 348. – С. 15–18.

Горбушин, С. А. «До третьих петухов» как исповедь-завещание Василия Шукшина / С. А. Горбушин, Е. Я. Обухов // Новый мир. – 2018. – № 5. – С. 168–180.

Десятов, В. В. Шукшин и мудрецы (духовные прототипы персонажа сказки «До третьих петухов») / В. В. Десятов // «...Горький, мучительный талант» : материалы V Всероссийской научной конференции. – Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 2000. – С. 160–174.

Душенко, К. В. Доказывай, что ты не верблюд / К. В. Душенко // Цитата в пространстве культуры. Из истории цитат и крылатых слов : сб. статей. – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. – С. 149–155. – EDN DQVDUP.

Жук, М. И. Лекция 7. Франц Кафка и Россия / М. И. Жук // Путь к замку, или курс лекций о Кафке. – Владивосток ; СПб. : Издательские решения, 2018. – С. 107–116.

Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М. : Intrada, 1996. – 256 с.

Колчанов, В. В. От дьяблерии к «оперетке»: музыкальный буфф и приемы нейролингвистического программирования в романе-мистерии М. А. Булгакова «Белая гвардия» / В. В. Колчанов // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – 2017. – Т. 3, № 1 (9). – С. 41–54. – EDN XYFUGL.

Кореньков, А. В. Незавершенный замысел В. Ф. Одоевского «Сегелиель» (по рукописям из фонда № 539 РНБ). Публ., текст. исследование и комм. / А. В. Кореньков // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение и журналистика». – 1998. – № 3. – С. 85–120.

Корнеев, П. Г. Кафка и Шукшин. Мифотворчество отчужденного сознания как способ конструирования действительности: постановка проблемы / П. Г. Корнеев. – Текст : электронный // Литературный альманах

«Ликбез». – 2010. – Вып. 72. – URL: www.lik-bez.ru/archive/zine_number3695/zine_critics3699/publication3741 (дата обращения: 18.10.2024).

Куляпин, А. И. Образ библиотеки в творчестве В. М. Шукшина / А. И. Куляпин // Библиотека и духовность: приоритеты деятельности / Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова ; сост. И. В. Миллер, О. Н. Колбашева. – Барнаул : [б. и.], 2004. – С. 16–17.

Куляпин, А. И. Проблемы творческой эволюции В. М. Шукшина : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. И. Куляпин ; Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2001. – 33 с.

Куляпин, А. И. Другой Шукшин: заметки о современном шукшиноведении / А. И. Куляпин // Сибирский филологический форум. – 2020а. – № 2 (10). – С. 39–52. – <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-10-2-41>. – EDN JSICGF.

Куляпин, А. И. Чем хуже для Кафки, тем лучше для Шукшина / А. И. Куляпин // Алтай: литературно-художественный публицистический культурно-просветительский журнал. – 2020б. – № 1 – С. 163–169.

Левашова, О. Г. Странный герой В. М. Шукшина / О. Г. Левашова // Библиотека и духовность: приоритеты деятельности / Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова ; сост. И. В. Миллер, О. Н. Колбашева. – Барнаул : [б. и.], 2004. – С. 11–15.

Левашова, О. Г. Шукшинский герой и традиции русской литературы XIX в.: Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. Г. Левашова. – Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2003. – 38 с.

Ли, Чжэнжун. Творчество Шукшина в Китае / Чж. Ли, Л. Ван // Наш современник. – 2019. – № 7. – С. 275–278.

Маркова, Т. Н. В. М. Шукшин в восприятии Вяч. Пьецуха / Т. Н. Маркова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 7 (109). – С. 155–158.

Мащенко, А. П. Деканонизация образа А. С. Пушкина в литературе первой волны русского постмодернизма / А. П. Мащенко // Вопросы русской литературы. – 2012. – № 23 (80). – С. 100–110. – EDN WKOEFF.

Московкина, Е. А. Народное искусство в поэтике В. М. Шукшина / Е. А. Московкина // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). – 2022. – № 3. – С. 36–44. – <https://doi.org/10.32340/2414-9101-2022-3-36-44>.

Мэн, Ци. Изучение произведений Василия Шукшина в китайском литературоведении / Ци. Мэн // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – Т. 22, вып. 1. – С. 110–113. – <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-110-113>.

Романова, Е. Ю. Комментарий к переделкам «Пролога» А. С. Пушкина («У лукоморья дуб зелёный...») / Е. Ю. Романова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2005. – № 1 (3). – С. 96–108. – EDN ODSLJY.

Рыбальченко, Т. Л. Введение элементов сказочной поэтики в структуру повествования о современности как форма критики народного сознания в русской прозе 1960-х гг. / Т. Л. Рыбальченко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – № 2 (6). – С. 78–100. – EDN LLWTGP.

Сакулин, П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский: мыслитель-писатель. Т. 1. Ч. 2 / П. Н. Сакулин. – М. : М. и С. Сабашниковы, 1913. – 479 с.

Сигов, В. П. Художественная полемика с идеологическими штампами эпохи в творчестве В. М. Шукшина / В. П. Сигов // Литература в школе. – 2022. – № 4. – С. 11–26. – <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2022-4-11-26>. – EDN UCDEJO.

Синельникова, О. В. Интертекстуальность как трансляция прошлого в художественной культуре постмодерна / О. В. Синельникова, А. И. Глушкова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 46. – С. 139–146.

Стаخورский, С. В. Театральная культура Древней Руси / С. В. Стаخورский. – 2-е изд., доп. – М. : ГИТР, 2015. – 512 с.

Стопченко, Н. И. «Раздвинув границы познания человека»: Василий Шукшин в англоязычных культурах / Н. И. Стопченко // Язык. Словесность. Культура. – 2012. – № 2-3. – С. 37–56. – EDN OXGNHV.

Сяо, Цзыцы. Изучение рассказов В. М. Шукшина китайскими студентами / Ц. Сяо // Актуальные проблемы современности : материалы 11-й Всероссийской научно-практической конференции «Альтернативный мир», Благовещенск, 10 октября 2016 года. Том 10 / ответственный редактор Д. В. Буяров. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический ун-т, 2016. – С. 233–238. – EDN WYCIBV.

Цзин, Ж. О современном состоянии и истории исследований сибирской литературы в Китае / Ж. Цзин, И. В. Монисова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2019. – № 1 (33). – С. 41–47. – <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2019.33.1.05>. – EDN ZEUOPP.

Чернова, Л. Н. Анализ поэтики прозы В. М. Шукшина на уроках литературы в средней школе : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л. Н. Чернова. – М., 2010. – 20 с. – EDN QGVSNZ.

Шао, Сыцзя. «Трагедия безразличия» в творчестве В. М. Шукшина / С. Шао // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. – 2022. – № 5. – С. 78–84.

Эшельман, Р. Эпистемология застоя. О постмодернистской прозе В. М. Шукшина / Р. Эшельман // Russian literature. – 1994. – XXXV.

Юдин, К. А. Анатомия «фатальных реформ»: особенности партийно-государственного контроля и управления в СССР (середина 1950-х – начало 1960-х гг.) / К. А. Юдин // Вестник Ивановского государственного уни-

верситета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 4. – С. 118–126. – <https://doi.org/10.46726/H.2021.4.13>. – EDN YVATQG.

Яо, Йе. Духовное исследование в рассказах Шукшина : докторская диссертация / Яо Йе. – Пекин : Пекинский университет иностранных языков, 2017. – CNKI: CDMD:2.1015.580973.

Christian, N. Manifestations of the Eccentric in the Works of Vasilii Shukshin / N. Christian. – Text : electronic // *The Slavonic and East European Review*. – 1997. – Vol. 75 (2). – P. 201–215. – URL: <http://www.jstor.org/stable/4212361> (mode of access: 11.04.2023).

Givens, J. Prodigal Son: Vasilii Shuksin in Soviet Russian Culture / J. Given. – Northwestern University Press, 2000. – <https://doi.org/10.2307/j.ctv47w3g4>.

Jolles, A. Einfache Formen / A. Jolles. – Tübingen : Niemeyer, 1968. – 274 p.

Morgan, L. The Subversive Sub-text: Allegorical elements in the Short Stories of V. Shukshin / L. Morgan // *Australian Slavonic and East European Studies*. – 1991. – Vol. 5 (1). – P. 59–76.

Politicizing Magic: An Anthology of Russian and Soviet Fairy Tales / ed. by M. Balina, H. Goscolo, M. Lipovetsky. – Evanston, Illinois : Northwestern University Press, 2005. – 418 p.

Roitberg, N. V. The Myth of Russian Stupidity in RFL Lessons / N. V. Roitberg // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP) // *Scientific Journal WEST-EAST*. – 2020. – Vol. 3 (1). – P. 11–16. – <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2020-3-1-94-105>.

Sigov, V. The Third Cock Has Not Yet Crowed: The Russian Idea of Vasilii Shukshin / V. Sigov // *Russian Studies in Literature*. – 2001. – Vol. 37. – P. 44–59. – <https://doi.org/10.2753/RSL1061-1975370344>.

Tormey, J. E. La diablerie: Regional variation in French mystery plays (1400–1570) / J. E. Tormey. – The Pennsylvania State University, 2000. – EDN EXQWGV.

References

Abasheva, M. P. (1987). *Problema komicheskogo v sovetskoj proze 60–70-kh godov* (V. Shukshin, V. Belov) [The Problem of Comicalness in Soviet Prose of the 60–70s (V. Shukshin, V. Belov)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. EDN NOERCV.

Arnold, I. V. (1999). Ob"ektivnost', sub"ektivnost' i predvzyatost' v interpretatsii khudozhestvennogo teksta [Objectivity, Subjectivity and Bias in the Interpretation of a Literary Text]. In *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost': sb. statei*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 341–350.

Avchenko, V. O. (2022). [Interv'yu E. Savchekovoi] Literaturnoe issledovanie obraza sovremennogo pisatelya [An Interview with Y. Savchenkova. A Literary Study of the Image of a Modern Writer]. Part 2. In *Pechorin.net: sait*. URL: <https://pechorin.net/articles/view/litieraturnoe-issliedovaniie-obraza-sovriemiennogho-pisatielia-chast-2> (mode of access: 30.04.2023).

Balina, M., Goscolo, H., Lipovetsky, M. (Eds.). (2005). *Politicizing Magic: An Anthology of Russian and Soviet Fairy Tales*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press. 418 p.

Bogatyreva, N. Yu. (2006). *Okna «Nashego doma». Istoriya estradnoi studii MGU «Nash dom» (1958–1969 gg.)* [Windows of “Our House”. The History of the Moscow State University Student Variety Theater “Our House” (1958–1969)]. Moscow, MPG. 125 p.

Chernova, L. N. (2010). *Analiz poetiki prozy V. M. Shukshina na urokakh literatury v srednei shkole* [Analysis of the Poetics of V. M. Shukshin's Prose at Literature Lessons in Secondary School]. Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Moscow. 20 p. EDN QGVVSN.

Christian, N. (1997). Manifestations of the Eccentric in the Works of Vasilii Shukshin. In *The Slavonic and East European Review*. Vol. 75 (2), pp. 201–215. URL: <http://www.jstor.org/stable/4212361> (mode of access: 11.04.2023).

Desyatov, V. V. (2000). Shukshin i mudretsy (dukhovnye prototipy personazha skazki «Do tret'ikh petukhov») [Shukshin and Wise Men (Spiritual Prototypes of the Character of the Fairy Tale *The Third Cock Has Not Yet Crowed*)]. In «...Gor'kii, muchitel'nyi talant»: materialy V Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Barnaul, Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 160–174.

Dushenko, K. V. (2019). Dokazyvai, chto ty ne verblyud [Prove that You are not a Camel]. In *Tsitata v prostranstve kul'tury. Iz istorii tsitat i krylatykh slov: sb. statei*. Moscow, Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN, pp. 149–155. EDN DQVDUP.

Eshelman, R. (1994). Epistemologiya zastoya. O postmodernistskoj proze V. M. Shukshina [The Epistemology of Stagnation. On V. M. Shukshin's Postmodern Prose]. In *Russian literature*. XXXV.

Gao, Zhenzhi. (2004). Analiz literaturnykh dostizhenii sibirskogo pisatelya Shukshina [An Analysis of the Literary Achievements of the Siberian Writer Shukshin]. In *Sibirskie issledovaniya*. No. 31 (5), p. 3.

Givens, J. (2000). *Prodigal Son: Vasilii Shuksin in Soviet Russian Culture*. Northwestern University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv47w3g4>.

Glushakov, P. S. (2011). Yazycheskoe i khristianskoe v stikhotvorenii V. M. Shukshina «Eto bylo davno...» [Pagan and Christian Elements in V.M. Shukshin's Poem “It was a Long Time Ago...”]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 348, pp. 15–18.

Glushakov, P. S. (2018). Vasilii Shukshin: ot Kafki do Tarkovskogo [Vasily Shukshin: From Kafka to Tarkovsky]. In *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*. Vol. 13. Moscow, Sobranie, pp. 432–458.

Gorbushin, S. A., Obukhov, E. Ya. (2018). «Do tret'ikh petukhov» kak ispoved'-zaveshchanie Vasiliya Shukshina [The Third Cock Has Not Yet Crowed as Vasily Shukshin's Confession and Testament]. In *Novyi mir*. No. 5, pp. 168–180.

- Ilyin, I. P. (1996). *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow, Intrada. 256 p.
- Jing Ruge, Monisova, I. V. (2019). O sovremennom sostoyanii i istorii issledovaniia sibirskoi literatury v Kitae [Current State and History of Siberian Literature Studies in China]. In *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*. No. 1 (33), pp. 41–47. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2019.33.1.05>. EDN ZEUOPP.
- Jolles, A. (1968). *Einfache Formen*. Tübingen, Niemeyer. 274 p.
- Kolchanov, V. V. (2017). Ot d'yablerii k «operetke»: muzykal'nyi buff i priemy neirolingvisticheskogo programmirovaniya v romane-misterii M. A. Bulgakova «Belaya gvardiya» [From Diableria to “Operetta”: Musical Buffs and Techniques of NLP in the Mystery Novel by M. A. Bulgakov *The White Guard*]. In *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kul'turologiya*. Vol. 3. No. 1 (9), pp. 41–54. EDN XYFUGL.
- Korenkov, A. V. (1998). Nezavershennyy zamysel V. F. Odoevskogo «Segel'el'» (po rukopisyam iz fonda № 539 RNB). Publ., tekst. issledovanie i komm. [The Unfinished Idea of the Novel “Segel'el'” by V. F. Odoevsky (Based on Manuscripts from the Collection No. 539 of the Russian National Library). Publ. of Texts, Textology and Commentary]. In *Vestnik RUDN. Seriya «Literaturovedenie i zhurnalistika»*. No. 3, pp. 85–120.
- Korneev, P. G. (2010). Kafka i Shukshin. Mifotvorchestvo otchuzhdenogo soznaniya kak sposob konstruirovaniya deistvitel'nosti: postanovka problemy [Kafka and Shukshin. Mythopoeia of Alienated Consciousness as a Way of Constructing Reality: A Problem Statement]. In *Literaturnyi al'manakh «Likbez»*. Issue 72. URL: www.likbez.ru/archive/zine_number3695/zine_critics3699/publication3741 (mode of access: 18.10.2024).
- Kulyapin, A. I. (2001). *Problemy tvorcheskoi evolyutsii V. M. Shukshina* [Problems of Creative Evolution V. M. Shukshin]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Tambov, Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G. R. Derzhavina. 33 p.
- Kulyapin, A. I. (2004). Obraz biblioteki v tvorchestve V. M. Shukshina [Libraries Imagery in V. M. Shukshin's Works]. In *Biblioteka i dukhovnost': priority deyatel'nosti*. Barnaul, pp. 16–17.
- Kulyapin, A. I. (2020a). Drugoi Shukshin: zametki o sovremennom shukshinovedenii [Another Shukshin: Notes on Modern Shukshin Studies]. In *Sibirskii filologicheskii forum*. No. 2 (10), pp. 39–52. <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-10-2-41>. EDN JSICGF.
- Kulyapin, A. I. (2020b). Chem khuzhe dlya Kafki, tem luchshe dlya Shukshin [The Worse for Kafka, the Better for Shukshin]. In *Altai: literaturno-khudozhestvennyi publitsicheskii kul'turno-prosvetitel'skii zhurnal*. No. 1, pp. 163–169.
- Levashova, O. G. (2003). *Shukshinskii geroi i traditsii russkoi literatury XIX v.: F. M. Dostoevskii i L. N. Tolstoy* [Shukshin's Hero and Traditions of Russian Literature of the 19th Century: F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Tambov, Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G. R. Derzhavina. 38 p.
- Levashova, O. G. (2004). Strannyi geroi V. M. Shukshina [V. M. Shukshin's Strange Hero]. In *Biblioteka i dukhovnost': priority deyatel'nosti*. Barnaul, pp. 11–15.
- Li Zhengrong, Wang Lidan. (2019). Tvorchestvo Shukshina v Kitae [Shukshin's Works in China]. In *Nash sovremennik*. No 7, pp. 275–278.
- Markova, T. N. (2011). Shukshin v vospriyatii Vyach. P'etsukha [Perception of V. M. Shukshin's Works by Vyacheslav Pyetsukh]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 7 (109), pp. 155–158.
- Mashchenko, A. P. (2012). Dekanonizatsiya obraza A. S. Pushkina v literature pervoi volny russkogo postmodernizma [Decanonization of A. S. Pushkin's Imagery in the Literature of the First Wave of Russian Postmodernism]. In *Voprosy russkoi literatury*. No 23 (80), pp. 100–110. EDN WKOEFF.
- Meng, Qi. (2022). Izuchenie proizvedenii Vasiliya Shukshina v kitaiskom literaturovedenii [Studying the Works of Vasily Shukshin in Chinese Literary Criticism]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. Vol. 22. Issue 1, pp. 110–113. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-110-113>.
- Morgan, L. (1991). The Subversive Sub-text: Allegorical elements in the Short Stories of V. Shukshin. In *Australian Slavonic and East European Studies*. Vol. 5 (1), pp. 59–76.
- Moskovkina, E. A. (2022). Narodnoe iskusstvo v poetike V. M. Shukshina [Folk Art in the Poetics of V. M. Shukshin]. In *Uchenye zapiski (Altayskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)*. No. 3, pp. 36–44. <https://doi.org/10.32340/2414-9101-2022-3-36-44>.
- Roitberg, N. V. (2020). The Myth of Russian Stupidity in RFL Lessons. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP). In *Scientific Journal WEST-EAST*. Vol. 3 (1), pp. 11–16. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2020-3-1-94-105>.
- Romanova, E. Yu. (2005). Kommentarii k peredelkam «Prologa» A. S. Pushkina («U lukomor'ya dub zelenyi...») [Commentary on the Alterations of the “Prologue” by A. S. Pushkin (“On Seashore Far a Green Oak Towers...”).] In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. No. 1 (3), pp. 96–108. EDN ODSLY.
- Rybalchenko, T. L. (2009). Vvedenie elementov skazochnoi poetiki v strukturu povestvovaniya o sovremennosti kak forma kritiki narodnogo soznaniya v russkoi proze 1960-kh gg. [Incorporation of Elements of Fairy-tale Poetics into the Structure of Narratives about Modernity as a Form of Criticism of Popular Consciousness in Russian Prose of the 1960s.]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 2 (6), pp. 78–100. EDN LLWTGP.
- Sakulin, P. N. (1913). *Iz istorii russkogo idealizma: Knyaz' V. F. Odoevskii: myslitel'-pisatel'* [From the History of Russian Idealism: Prince V. F. Odoevsky: Thinker. Writer]. Vol. 1. Part 2. Moscow, M. i S. Sabashnikovy. 479 p.
- Shao, Sijia. (2022). «Tragediya bezrazlichiya» v tvorchestve V. M. Shukshina [“The Tragedy of Indifference” in Vasily Shukshin's works]. In *Modern Humanities Success / Uspekhi gumanitarnykh nauk*. No. 5, pp. 78–84.
- Sigov, V. (2001). The Third Cock Has Not Yet Crowed: The Russian Idea of Vasilii Shukshin. In *Russian Studies in Literature*. Vol. 37, pp. 44–59. <https://doi.org/10.2753/RSL1061-1975370344>.

Sigov, V. P. (2022). Khudozhestvennaya polemika s ideologicheskimi shtampami epokhi v tvorchestve V. M. Shukshina [An Artistic Polemics with Ideological Cliches of the Era in V.M. Shukshin's Work]. In *Literatura v shkole*. No. 4, pp. 11–26. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2022-4-11-26>. EDN UCDJEO.

Sinelnikova, O. V., Glushkova, A. I. (2019). Intertekstual'nost' kak translyatsiya proshlogo v khudozhestvennoi kul'ture postmoderna [Intertextuality as a Translation of the Past in Postmodern Art Culture]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. No. 46, pp. 139–146.

Stakhorsky, S. V. (2015). *Teatral'naya kul'tura Drevnei Rusi* [The Theatrical Culture of Ancient Russia]. 2nd edition. Moscow, GITR. 512 p.

Stopchenko, N. I. (2012). «Razdviniuv granitsy poznaniya cheloveka»: Vasilii Shukshin v angloyazychnykh kul'turakh [“He has Expanded Human Frontiers of Knowledge”: V. Shukshin in English-language Cultures]. In *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*. No. 2-3, pp. 37–56. EDN OXGNHV.

Tormey, J. E. (2000). *La Diablerie: Regional Variation in French Mystery Plays (1400–1570)*. The Pennsylvania State University. EDN EXQWGV

Vertlieb, E. A. (1992). Vasilii Shukshin i russkoe dukhovnoe vozrozhdenie [Vasily Shukshin and the Russian Spiritual Revival]. In *Russkoe – ot Zagoskina do Shukshina: (Opyt nepredvzyatogo razmyshleniya)*. Saint Petersburg, Biblioteka «Zvezdy», pp. 183–405.

Xiao, Ziqi. (2016). Izuchenie rasskazov V. M. Shukshina kitaiskimi studentami [Learning of V. M. Shukshin's Stories by Chinese Students]. In Buyarov, D. V. (Ed.). *Aktual'nye problemy sovremennosti: materialy 11-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Al'ternativnyi mir», Blagoveshchensk, 10 oktyabrya 2016 goda*. Vol. 10. Blagoveshchensk, Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 233–238. EDN WYCICB.

Yao, Ye. (2017). *Dukhovnoe issledovanie v rasskazakh Shukshina* [Spiritual Exploration in Shukshin's Short Stories]. Doktorskaya dissertatsiya. Beijing, Pekinskii universitet inostrannykh yazykov. CNKI: CDMD:2.1015.580973.

Yudin, K. A. (2021). Anatomiya «fatal'nykh reform»: osobennosti partiino-gosudarstvennogo kontrolya i upravleniya v SSSR (seredina 1950-kh – nachalo 1960-kh gg.) [Anatomy of “Fatal Reforms”: Features of Party-State Control and Management in the USSR (Mid 1950's – Early 1960's)]. In *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 4, pp. 118–126. <https://doi.org/10.46726/H.2021.4.13>. EDN YVATQG.

Zhuk, M. I. (2018). Lektsiya 7. Frants Kafka i Rossiya [Lecture 7. Franz Kafka and Russia]. In *Put' k zamku, ili kurs lektsii o Kafke*. Vladivostok, Saint Petersburg, Izdatel'skie resheniya, pp. 107–116.

Данные об авторах

Коренькова Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия).

Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Макляя, 10, корп. 2.

E-mail: tvkorenkova@mail.ru.

Шао Сыцзя – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия).

Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Макляя, 10, корп. 2.

E-mail: 1042205287@rudn.university.

Authors' information

Korenkova Tatiana Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Foreign Literature, the Faculty of Philology, RUDN University (Moscow, Russia).

Shao Sijia – Postgraduate Student of Department of Russian and Foreign Literature, the Faculty of Philology, RUDN University (Moscow, Russia).

Дата поступления: 20.09.2023; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 20.09.2023; date of publication: 30.10.2024